

Баба Нюра

Осиново

КЛАДЕЗЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Б12

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Б12 **Баба Ньюра.** Осиново. Предания о колдунах и ведьмах / составитель Рустам Разуванов. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 224 с. : ил. — (Деревенская мистика).

ISBN 978-5-17-163626-5

Основа данной книги — былички, связанные с ныне не существующей деревней Осиново и ее жителями, которых люди в округе считали сильными ведьмами и колдунами, способными творить чудеса, хотя чудеса эти и нельзя было назвать добрыми.

Правда ли, что в деревне Осиново существовали уникальные культы и традиции? Или же это выдумки, родившиеся спустя десятилетия при пересказе людьми друг другу загадочных быличек? Ответом могут послужить заметки очевидцев, собранные в разное время все в той же части Тихвинского района Ленобласти, знакомой читателям по другим книгам лаборатории «Баба Ньюра».

Книга не призывает читателя с пристрастием детектива исследовать подлинность того, что принято называть «деревенским мистицизмом». Вместо этого она предлагает окунуться в манящую глубину легенд, которые передавались из уст в уста, из поколения в поколение, и проникнуться атмосферой священного трепетного страха перед лесом и его древними тайнами.

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-163626-5

© Рустам Разуванов, сост., 2025
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный труд, как и предыдущие книги этой серии, совсем не претендует на научную работу в области фольклора или культурологии, а является всего лишь любительским сборником заметок о мистических быличках, собранных все в той же части Тихвинского района, что и в первых книгах. Основой для данной работы послужили былички, связанные исключительно с самой деревней Осиново, которой не существует уже давно, с ее окрестностями и ее жителями, которые после расселения повсеместно воспринимались людьми как сильные колдуны, способные творить чудеса, хоть чудеса эти и нельзя было называть добрыми.

Записи собраны в различные времена, разница между некоторыми из них составляет около десяти лет и даже более. Данные в них противоречивы. Об одних и тех же людях или местах носители фольклора нередко рассказывали в совершенно противоположном контексте. И это не удивительно, если учесть, что чаще всего описываемые в быличках события происходили в середине двадцатого века, а в некоторых отдельных случаях намного раньше. Однако это и не так важно, на мой взгляд, потому что книга эта не призывает читателя с пристрастием детектива исследовать подлинность реализма того, что принято называть деревенским мистицизмом. Вместо этого она предлагает лишь погрузиться в глубокую пучину легенд, передававшихся из поколения в поколение, из уст в уста при потрескивании поленьев в печи холодными вечерами, и бездумно отдаться столь горячо любимому нам с вами священному ужасу перед лесом и его древними страхами.

ЗАПИСЬ № 1.

КОСТИ ВОЗЛЕ ХОЛМА

— Мы когда малые были еще совсем и в школу младшую ходили, то часто бегали играть к горе, раньше там гора стояла.

— *Что за гора?*

— Да кто его знает. Невысокая, обычная такая. Мы часто на ней играли. У нас компания детворы большая была, мы туда часто ходили, тут от деревни-то недалеко совсем.

— *Она похожа на рукотворный холм или же это чисто природное явление?*

— Вот ты слушай, сама-то гора я не знаю, рукотворная али нет. Но что там не раз было, когда совсем маленькие были еще и ничего не понимали, мы там рядом в земле возились и кости находили.

— *Кости животных?*

— Человеческие. Мы тогда не боялись совсем, маленькие были, глупые, играли с этим костями даже, там много костей было, каждый раз прямо из земли торчали.

— *Кости торчали из земли?*

— Ну, на самой поверхности были, но они старые, некоторые сыпались прямо в руках, другие покрепче были, видимо, выперло их с земли или еще что случилось.

— *Но вы при этом никогда не слышали о, возможно, уже заброшенных кладбищах в этих местах?*

— Нет, точно нет. Никаких кладбищ здесь не было и быть не могло. Может, если только в совсем какие древние времена,

но в наши точно ничего такого не было. Там лес один был, лес и гора эта на поле — вот и все.

— *И никаких предметов, ни старого ржавого гвоздя или другой какой железяки никогда не попадалось?*

— Нет, ничего такого. Но вот что интересно было. Был у нас такой, Фомин Гена. Он с хутора соседнего был, точнее, родился-то уже у нас в деревне, а вся семья его с хутора была, переехали они тогда. И вот он что нам рассказывал. Ему бабка его говорила, что в этой горе когда-то люди жили. А потом они сами себя закопали.

— *Что за люди?*

— Ну те, которые здесь издревле жили, еще до нас, и вот он нам это все пересказывал. Мы, конечно, не верили в такое, смеялись больше.

— *А зачем они себя закопали, неизвестно?*

— Он всегда пересказывал бабку свою, она у него немного того, всякие там байки рассказывала, ну вот он и пересказывал, говорил, что они жили прямо тут, в этой горе, у них там дом свой был. А через дыры в горе они наружу выходили. Дыры маленькие, как у зверьков. Да и сам народ совсем небольшой был, роста маленького.

— *А в горе есть дыры?*

— Нет, никаких там дыр не было. Ни в самой горе, ни рядом с ней.

— *А в том месте, где кости были, там никаких дыр не осталось?*

— Нет, никогда там дыр не видели. Да и не было их там, это точно. Может, гора раньше больше была, а половину-то ее и разрыли, может, там раньше и были какие дыры, но я думаю, что не было там ничего. Это его бабка сказки рассказывала такие.

— *А зачем же, по ее версии, люди сами себя заживо захоронили?*

— Да кто его знает, он так говорил, что, когда люди пришли сюда, они сначала враждовали между собой, договориться никак не могли. А иногда и дружили, но больше враждовали. Вот они сами себя в земле-то и закопали, чтобы врагам не достаться.

— *А как же они сами себя закопали? Им кто-то помогал?*

— Нет, он так говорил, что дом у них в той горе был. А потолок на подпорках держался. Вот они, видимо, подпорки-то и выбили, когда люди близко селиться стали, да в гости навещались. Может, боялись чего, может, верили в свою религию какую. Люди ведь во всякое верят.

— *А археологи здесь никогда не работали?*

— Да, было одно время, приезжали, но не в это место, они в других местах копали, там тоже много холмов было, но там холмы не такие большие были, они там все время эти искали, как они называются, слово такое, фабулы искали.

— *Нашли что-то?*

— Нашли, да, но сказали, что там уже копано. Видать, до них кто-то успел уже покопать, мазуриков¹ ведь раньше много всяких было. Может, и здесь что-то было раньше, да копали уже, кто знает, может, потому-то кости и торчали с земли.

— *Но в ваше время ничего о подобных копателях никто не слышал?*

— Не, в наше время точно. Нам не до этого было, что ты. Времена тяжелые были, думали только о том, как бы ноги с голоду не протянуть. А фабулы эти, что с ними потом делать? И продать ведь некому, и в суп не положишь. Это раньше, скорее всего, сильно задолго до нас.

¹ Мазурик (нар.-разг., устар.) — вор, плут. (Здесь и далее прим. авт.)

ЗАПИСЬ № 2. О СТАРИКЕ, ОСТАНОВИВШЕМ ВОЙСКО

«Старые люди рассказывали, что в старину, еще при царях, не знаю, какие именно времена это были, через эти края войско вражеское шло. Полк — так они говорили. Уж теперь не известно точно, правда ли полк это целый был или какой-то отбившийся отряд. Но старики говорили, что полк шел. И шел тот полк как раз через эти края. Через болота осиновские пробирались. Что это был за полк и откуда он — все по-разному говорили. Одни говорили, что это шведы были, другие — что вовсе и не шведы. Но точно, что времена это глухие были, старые. Ну и говорили, что по пути они несколько деревень маленьких сожгли. А когда дальше-то пошли, через болото Левкин остров, как раз к Осинovu, то, поговаривают, что вышел им навстречу дедушка седой, из осиновских. Я уж не знаю, правда это или нет, но это сами же осиновские нам и рассказывали. И вот, значит, вышел он к ним и сказал, чтобы убирались с этих земель домой к себе. Ну они, понятное дело, на смех старика того подняли. Сказали, чтобы убирался, пока его самого не зарубили. Ну, он им дорогу-то уступил молча, а сам стоял и вслед им смотрел, да бубнил что-то. Видать, свое осиновское там колдовал, они всякое знали и умели. Ну, в общем, полк тот так до Осинова и не дошел. Поперлись они дальше по Левкину болоту, а выйти не вышли. Вот так. Уж не знаю, правду они говорили или нет,

но часто рассказывали, как дедушка с Осинова полк в болоте заколдовал и они пропали там. Может, утонули, а может, и черти их какие забрали. У нас ведь на болотах всякое случается. И сейчас бывает, пропадают люди так, что и найти их не могут. Ни косточки, ни следа не останется».

ЗАПИСЬ № 3.

ЭПИДЕМИЯ ЧЕРТЕЙ

В одной из деревень, в которую были распределены жители Осинава после коллективизации, появилась старушка. Почти сразу же за старушкой пошла дурная слава. Никто с ней не общался, и достоверно о ней ничего не известно, но люди сходились в одном. Старушка была сильной ведьмой, у которой в доме водились черти. Многие старались обходить ее дом издали, как это обычно и бывает, но было и немало тех, кто из любопытства или же из каких-то своих корыстных целей не единожды заходили к ней в гости с расспросами. Старушка эта умерла достаточно спокойно и без всяких происшествий. Но уже буквально через несколько дней после ее смерти одна из жительниц деревни, тоже весьма преклонного возраста, начала жаловаться своим соседям на весьма странные обстоятельства. Заявившись рано утром к соседке, несчастная старушка начала свой рассказ.

— Людка, мне теперь покоя нет. У меня черти в доме завелись.

— Ты чего такое говоришь-то, баба Зина?

— Ну, как есть говорю, всю ночь спать не давали ведь.

— Может, тебе померещилось что-то? Или, может, просто приснилось?

— Ну как это приснилось? Всю ночь скакали по карнизам. И на гармошках играли, и пели, и веселились, я только спать

лягу, а они прямо под ухо начинают. И одеяло крадут, и всяко-разно...

— Баба Зина, а откуда они у вас взялись?

— Ну вот взялись, взяла я грех на свою душу, все от осиновских пришло, соблазнила меня карга старая, а я уши развесила, поверила. Теперь и знать не знаю, как избавиться.

— Может, обратиться к кому-то?

— А к кому теперь обратишься? Кто теперь может помочь? И не осталось таких ведь. Да и они говорят, что не отстанут теперь. Сидят на карнизах и глазами красными светят, как лучами от фонаря, никакого покоя нет.

— Неужто прямо глаза красные?

— А я тебе что говорю? Целую ночь по карнизам скакали, я их и тряпкой, и валенком, и всяко, а толку нет никакого. Изведут они меня, я чувствую.

Разговор этот со старушкой повторялся еще несколько раз, после чего последняя стала замкнутой, неразговорчивой, все время что-то бубнила себе под нос и совсем перестала ходить в гости к соседям, даже свою родню нередко прогоняла из избы. Сама же родня старалась на расспросы посторонних ничего не говорить, но однажды, разговарившись с односельчанами, дочки старушки, которые уже давно жили отдельно, проговорились:

— Ты знаешь, сил никаких нет. Что у нее дома творится...

— А что, правда, что у вашей матушки черти в доме водятся?

— Правда. Я однажды даже случайно потрогала одного.

— Да брось ты!

— Я тебе правду говорю, мы тогда навестить ее пришли с мужем и детьми. Сели за стол чай пить, а она все что-то буб-

нит, совсем как не родная стала. Ну мы пока ее расспрашивали, что да как, я чувствую, у меня кто-то под ногами шастает. Ну я и сунула руку под стол, думала, кот.

— Ну?

— И укололась. Такая шерсть острая, я аж взвизгнула. Не могу понять, что такое, обо что я укололась? Ну не может же у кота такая шерсть быть! Я заглянула под стол сразу же.

— И что там?

— Да ничего. Совсем ничего — пусто. А матушка как станет ругаться на кого-то, все бранится, да полотенцем под стол бьет, словно котов распугивает, а ведь нет никого, ни котов, ни собак, пусто. Одним словом, жутко так сделалось, что мы больше к ней не ходим, детей я подальше от нее держу, мало ли что. Да и сама она как-то чудно ведет себя, я сперва ходила проверять ее, но она иной раз и в дом не пустит или и вовсе не разговаривает даже, как чужая.

Рассказывали, что перед смертью к этой старушке ходили крышу разбирать, чтобы умерла она спокойно. И чтобы безумие это остановилось. О подробностях ничего и никому теперь неизвестно, но старушка после гостей своих и правда быстро отошла. Правда, уже через несколько дней в деревне опять произошел странный случай. Другая старушка, которой уже перевалило за девяносто лет, бросилась в реку. На улице стояла ранняя весна, лед уже давно растаял, а ледяная вода вышла из берега. Несчастную жертву выловили уже в конце деревни. Но та, на удивление, не только не умерла, но и даже не простудилась, несмотря на преклонный возраст. Когда же ее начали расспрашивать, что случилось, она поведала все ту же историю.

— Ты как в реку-то попала?

— Я с моста бросилась, утопиться хотела.

— Да ты чего такое удумала на старости лет, жизнь целую прожила, а тут в реку?

— Черти привязались за мной, покоя мне никакого нет. В доме по карнизам скачут и глазами красными светят. Ни спать не дадут, ни отдохнуть. Думала, что так хотя бы от них избавлюсь, грех на душу возьму, а оно вон как. Нет теперь мне покоя, видать, изведут они меня.

Взволнованные односельчане не на шутку обеспокоились положением дел в деревне. И пока они решали, как лучше поступить, как правильно подготовиться и к кому обратиться, старушка умерла. И опять по уже известной схеме через несколько дней в деревне объявилась новая жертва, запросившая помощи. Симптомы все те же: черти в доме скачут, покоя не дают, шумят и веселятся, да на всякие гадости толкают. Не на шутку взволнованные жители деревни к тому моменту уже подготовили план. Пользуясь старыми родственными связями и знакомствами, в деревню пригласили еще одного жителя Осина. Кто это был и в какой деревне он проживал на тот момент, осталось неизвестным. Однако после его визита несчастная старушка спокойно отошла с миром, а эта странная эпидемия чертей с красными глазами остановилась.

ЗАПИСЬ № 4.

КАК БАБА НЮРА ЛЮБКУ К СТЕНЕ ПРИКЛЕИЛА

«Вот баба Нюра у них была, про эту мне больше запомнилось. Это бабушка моя рассказывала мне еще. Когда часть их в нашу-то деревню согнали, они не очень довольны были. И все что-то ходили тут, шептались, все что-то чудили на свой лад. И вот была среди них эта баба Нюра, про многих мне бабушка рассказывала, но вот про нее больше всего запомнилось почему-то. Она что-то с нашей знахаркой не поделила. Что-то они словом за слово — и проклинать друг друга начали. Это про тетю Любу речь, ее дом до сих пор стоит возле магазина. Она и роды раньше принимала, и травками разными все людей лечила. Про каждую травку все знала. Ну и вот они не поделили что-то с этой бабой Нюрой. Не помню уже, что и случилось.

А баба Нюра у них там... самая сильная считалась. Вот так! Уж про нее всякие страсти рассказывали. Ну, вот ты и слушай, что мне бабушка-то рассказывала. Баба Нюра эта посреди бела дня к тете Любе нашей в дом пришла и *сделала* ей. Да так сделала, что та к стене прилипла. Вот как есть говорю, бабушка мне это рассказывала. Говорила, как вышла эта баба Нюра, то Любушка-то начала на помощь звать. Ну, люди-то у магазина были, в хлебный день это случилось. И все кто услышал — сразу к ней в дом ворвались. А она стоит, руки по сторонам, спиной к стене — как на кресте распята, и говорит: “Я к стене прилип-

ла, это осинонская эта сделала мне!” Она там плохим словом назвала ее, не буду повторять.

Ну и люди начали ей помогать, а от стенки-то и не оторвать ее. И мужики ведь там были, и бабы. Все схватились. И так пробовали и сак — не оторвать, и все, как магнитом притянута. И пальчика от стенки не отлепить! Битый час мучились, а тетя Люба кричит, больно ей. Нет сил, говорит, идите и молитесь за меня, скажите, что прощения просить буду. Ну и пошли люди к этой бабе Нюре, а что делать. Она ведь и не хотела сначала, говорит, пускай повисит, подумает. И так и сак ее уговаривали, видать, задобрили ее, ну она и пошла обратно к ней в дом. И никого с собой не пустила. А потом вышла: “Все, — говорит, — отколола я вашу Любку”. Вот так и сказала. Люди потом в дом к тете Любе забежали, а та, и правда, сидит на полу и плачет. “Не спорьте с ними, — говорит. — Не спорьте, ну их к болотному обратно!”

Вот такое вот про бабу Нюру запомнила. Много еще чего про нее говорили, но я не особо помню уже, если честно».

ЗАПИСЬ № 5.

ГОЛОС ИЗ ШКАФА

— Случилось это у нас в деревне, где я жила. С моим братом это произошло старшим, Митькой. Он тогда с девочкой гулял, Олей, забыла, как ее фамилия-то. Ну, она родней дальней бабке Фиме приходилась. Это все знали. Она поэтому к ней нет-нет, да захаживала — может, по дому помогала, может, еще что.

— *А что за баба Фима?*

— Это ведьма страшная, та еще змея, тоже ведь из этих, осиновских. Не помню только, в каком году она переехала. Ее дом как есть перевезли с Осина да со всеми пожитками.

— *Как это — дом перевезли? В буквальном смысле?*

— Ну да.

— *А как можно дом перевезти? Это что за техника нужна для такого?*

— Да его разбирали, разбирали по бревнышкам, а потом заново собирали. У многих так дома перевозили, не только у осиновских.

— *А разве не проще было заново дом построить?*

— Конечно не проще! Деньги-то где взять? С этим строго было: если где и украдешь даже лес, то обязательно спросят потом, откуда взял да на какие шиши! А дом перевезти своими силами, разве что кому из трактористов бутылку поставить придется да солярку достать. А можно было и баш на баш договориться. Это у кого как.